

ЭРИК ЭГЕБЕРГ

Феномен русского просторечия

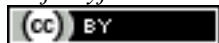
Просторечие (ПР) – явление не первой важности для филологов, преподающих русский язык иностранным студентам. С этим явлением студент чаще всего сталкивается, когда в словаре то или другое слово сопровождается пометой «прост.» или «простореч.», служащей предостережением: этого слова не употреблять. А преподаватель, разумеется, интересуется преимущественно тем, что необходимо или полезно для его работы, но, с другой стороны, соблазнительно и многое из того, что оказывается за гранью дозволенного и рекомендуемого. А чем, на самом деле, является русское городское ПР? Известным количеством слов или словоформ, не получивших санкции лексикографов и грамматиков, или более разветвленным явлением, системным или несистемным, но дающим о себе знать на разных уровнях языка?

В 1984-ом году появилось одно из тех изданий, которые позволяют ближе ознакомиться с предметом, а именно сборник «Городское просторечие. Проблемы изучения», изданный Институтом русского языка АН СССР, что придает труду определенный вес.¹ Тем не менее при чтении разных статей, входящих в этот сборник, возникает некое недоумение насчет того, с чем мы имеем дело – с лингвистическим понятием или с общественным явлением? Дело в том, что разные определения, предлагаемые в сборнике, применяют термины то языкознания, то социологии, сочетание которых связано с известными трудностями (мягко говоря).

Первое определение дается уже на обратной стороне титульного листа: «В работах, представляемых в сборнике, ПР понимается как не имеющая системного характера совокупность особенностей речи лиц, не вполне владеющих нормами литературного языка.» Как видим, ПР здесь безоговорочно связано с определенной группой лю-

---

¹ *Городское просторечие. Проблемы изучения.* Отв. ред. Е. А. Земская и Д. Н. Шмелев. Москва 1984. 190 стр. – Далее: ГППИ.

дей. Зато в определении, предлагаемом Л. А. Капанадзе, приводятся только чисто языковые признаки, при этом ни о каких слоях населения речь не идет: «Традиционно употребляемый в русистике термин „городское просторечие“ последовательно употребляется в двух значениях: а) общенародные (не диалектные) средства речи, оставшиеся за пределами литературного языка, б) сниженные, грубоватые элементы в составе самого литературного языка.»² В настоящей статье рассматривается только ПР типа а.

Еще до более детального ознакомления с намеченными средствами речи возникает подозрение, что обе дефиниции, а в особенности первая из них, содержат в себе элементы, противоречащие друг другу, подозрение, которое потом вполне оправдывается. Уже то обстоятельство, что ПР «представлено на всех языковых уровнях»,³ должно насторожить читателя, ибо нельзя исходить из того, что на разных уровнях – скажем, в фонетике и в словоупотреблении – соотношение ПР и литературного языка (ЛЯ) одно и то же. Но чтобы высказываться более определенно по этим вопросам, нужно хотя бы вкратце назвать главные составные части, входящие в интересующий нас феномен.

1. На уровне фонетики ПР характеризуется рядом особенностей, которые оно разделяет с старомосковской нормой произношения: сплошное смягчение согласных групп перед гласными переднего ряда, произношение суффикса *-кий* с твердым *к*, иное распределение *р* твердого и мягкого, чем в современной норме (*скрыпеть*, *первый* и т. п.), произношение *-чн-* как *-ин-*, далее ряд ударений, не соответствующих современной норме, но нередко совпадающих с ударением в том или другом диалекте или в старом московском произношении. Просторечными считаются и образования, в которых устранено существующее в ЛЯ зияние (типа *какава* вместо *какао*).

2. В области морфологии встречаются не типы склонения и спряжения, совершенно чуждые ЛЯ, а их необычное распределение. В особенности обращают на себя внимание такие окончания, как *-а*

---

² ГПШИ, стр. 5. – Впрочем, в других местах и Л. А. Капанадзе предлагает определения, содержащие отсылки к определенному слою городского населения.

³ Там же.

(им. пад. мн. ч.) и –у (местн. пад. ед. ч.) под ударением, а также –ов (род. пад. мн. ч.), которые распространены гораздо шире, чем в ЛЯ. То же самое можно утверждать насчет инфинитивов на –ать, –ять, заменяющих образования на –ывать, –ивать ЛЯ, и возвратной частицы –ся, которая везде может заменить –сь (в ЛЯ замена разрешается только в метрической поэзии, где счет слогов должен быть соблюден). В общем, то строгое распределение форм, которым характеризуется ЛЯ, в ПР теряет свою обязательность: употребление *оба* и *обе* смешивается в косвенных падежах,⁴ собирательные числительные встречаются и вне той узкой сферы, которая им отведена в ЛЯ. А что касается рода существительных, он часто иной, чем в ЛЯ (*яблок* вместо *яблоко* и т. д.), и аналогичные образования встречаются везде, что делает ПР «математичнее» ЛЯ.⁵

3. Синтаксис ПР отличается от синтаксиса ЛЯ главным образом в трех пунктах: использование деепричастий в роли сказуемого, «неправильное» управление и наличие неполных или неточно построенных предложений.

4. Как уже сказано, изучающий русский язык встречается элементы ПР в первую очередь в словаре. И действительно, есть целый пласт слов, которые лексикографы более или менее единодушно считают просторечными (*оносля, таперича, супротив, ихний* и т. п.), но кроме них ПР считается также стилистически неуместное употребление слов и выражений ЛЯ (напр. *ныне* кроме как в высоком стиле, а в ПР стилистической градации нет).⁶

Первая из трех основных проблем, связанных с понятием ПР, состоит в его отграничении от других разновидностей русского языка (диалектов, жаргонов и в особенности ЛЯ). Речь идет здесь не столько о строго кодифицированном письменном ЛЯ, сколько о городской разговорной речи (РР), в которой наблюдаются – и допускаются – многие явления, запрещенные в письме, ибо и ПР есть, как

⁴ О формах *обоих* и *обеих* (и т. д.) Л. А. Булаховский пишет, что «в XIX в. Н. Греч произвольно [курсив мой – Э. Э.] устанавливает (Русск. грамм., 1827 г., § 128), что первое соответствует мужскому и среднему, а второе – женскому роду, – употребление, дожившее до наших дней.» (Исторический комментарий к русскому литературному языку. 5-ое, дополн. и перераб. изд. Киев 1958. Стр. 198.)

⁵ ГППИ, стр. 91.

⁶ ГППИ, стр. 8.

указывает само название, преимущественно устное явление. О произношении Н. Н. Розанова пишет: «С другой стороны, в современном московском просторечии можно обнаружить много фонетических черт, общих с литературной разговорной речью. Однако по сравнению с РР развитие произносительных тенденций осуществляется в просторечии более динамично: некоторые фонетические явления здесь распространены шире и проявляются более регулярно, чем в современном литературном языке.»⁷ Но такое положение дел наблюдается не исключительно в области фонетики, и определить рубеж между двумя вариантами устного языка очень трудно, что явствует и из утверждения Е. А. Земской и М. В. Китайгородской: «Вопрос о границе между просторечием и литературной РР многие исследователи решают по-разному. Так, почти все факты, которые мы относим к просторечию, некоторые исследователи считают локальной разновидностью РР. Особенно это характерно для явлений морфологии.»⁸

Разграничение ПР и ЛЯ усложняется и тем обстоятельством, что в ПР встречаются помимо явлений, чуждых ЛЯ, и такие, которые в ЛЯ считаются устарелыми или устаревающими, и к этим чертам речи норма относится особенно благосклонно.⁹ И не без основания, ибо с лингвистической точки зрения проблема тут не столько в ПР, сколько в самом ЛЯ, чья норма не постоянна, а все время в движении – то быстрее, то медленнее. А любое движение требует времени, тем самым создавая переходные оценки языковых фактов.

Вторая проблема – «несистемность ПР», о которой говорится еще в самом начале сборника, а также в разных местах текста. Но каким образом может язык быть несистемным – ведь язык определяется именно как система знаков? Если же авторы сборника не находят в ПР системности, то они, кажется, ищут ее там, где ее нет – и не может быть: в самой *совокупности* отклонений от литературной нормы. Как уже сказано, ПР, понимаемое как совокупность явлений

⁷ ГППИ, стр. 38.39.

⁸ ГППИ, стр. 70.

⁹ Еще мягче к старому московскому произношению относится академическая грамматика, появившаяся только четыре года раньше, чем ГППИ (см. Русская грамматика. Т. 1. Москва 1980. Стр. 28.29. – Отдел «Фонетика» написан С. Н. Дмитренко).

самых различных типов, вряд ли может быть вмещено в единую систему. Наоборот, ее разные уровни проявляют системность разной степени: если считать, что старому московскому произношению присуща та же степень системности, что и новому произношению (положение, с которым нетрудно согласиться), то говорить о системе и системности, скажем, в словаре любого языка намного труднее.

А что касается ПР в целом, в наблюдении о его повышенной «математичности», следует, как кажется, усмотреть намек именно на его системность – даже повышенную, может быть, по сравнению с ЛЯ.

Третий, и самый спорный, пункт – сочетание понятия ПР с определенным слоем русского городского населения, а именно с людьми, «не вполне владеющими нормами литературного языка». Теперь речь идет уже не только о языке, но и о *говорящем*, да, в первую очередь о нем: «Считать ли высказывание просторечным, определяет не столько удельный вес просторечных элементов, сколько личность говорящего, его возможность выбирать из разных кодов, его собственное отношение к избранным средствам выражения».¹⁰ Такое определение ПР позволяет назвать человека «носителем ПР», тем самым наклеивая на него ярлык с отрицательным содержанием «некультурного человека» или даже лица с недостаточно развитыми умственными способностями.

Но как опознать личность говорящего? Если смотреть на ПР не как на чисто лингвистическое понятие, мы не в состоянии определить характер речи, не проверив «возможности выбора» говорящего, или, по крайней мере, его уровень образования – хотя и этот уровень не вполне достоверное свидетельство о владении литературными нормами.

Дам несколько примеров, надеюсь, что они покажут проблематичность социолингвистического определения ПР: Хотя придерживание старой московской произносительной нормы считается признаком ПР, исключение делается для пожилых интеллигентов и «конечно культивированной актерской речи».¹¹ На самом деле пара-

---

¹⁰ ГППИ, стр. 17.

¹¹ ГППИ, стр. 38.

доксальный случай: то, что в устах одних считается верхом благозвучия, в устах других осуждается!

Далее. В одной совсем недавно изданной книге о Достоевском встречается причастие «приемлевший», которое ни в какой грамматике не значится.¹² Само по себе это образование представляет собой резкое отклонение от нормы ЛЯ, но имеем ли мы здесь дело с признаком ПР? Вряд ли, ибо «носители ПР» книг не пишут.

Третий пример другого типа. В 1986 г. Юрий Лотман, в образованности которого сомнения не может быть, был в Норвегии. Мне привелось провести вместе с ним несколько дней в Бергене, и я заметил, что он последовательно применяет возвратную частицу *–ся* и в тех положениях, в которых норма ЛЯ предписывает *–сь* (*встретились* вместо *встретились* и т. п.), а на вопрос о том, почему он так говорит, последовал ответ: «Это вполне правомерно». Здесь мы имеем дело не столько с «возможностью выбирать из разных кодов», сколько с умением создавать себе новые коды. Тем не менее, на фоне второго, чисто лингвистического, определения ПР, своеобразное применение возвратных частиц у одного из ведущих филологов России следует расценить, как просторечное.

А что говорить о речи тех, кто оказывается не на таком высоком уровне образования, как русские филологи–профессора, чьи отклонения от литературной нормы требуют иного объяснения, чем неполного владения нормой ПР? Иными словами: где пролегал рубеж, ниже которого мы можем встречать ПР? Конечно, можно произвольно установить такой уровень, например среднее образование – но и такое образование не исключает проявлений явно просторечных элементов. Например, из Элисты, столицы Калмыцкой республики, сообщают, что местоимение *ихний* используется всеми, кроме как филологами.¹³ А причислить всех нефилологов к «носителям ПР» не имеет смысла.

---

¹² И. А. Кириллова: *Образ Христа в творчестве Достоевского. Размышления*. Москва 2011. Стр. 75. – Не исключено, однако, что эта форма, как и другие ненормальные (хотя менее режущие слух) причастия, встречающиеся в книге, возникли не в кабинете профессора Кембриджского университета, а в издательстве или типографии.

¹³ ГППИ, стр. 171.

Проблемы, связанные с ПР, относятся и к норме ЛЯ. Дело в том, что норма эта даже в деталях так четка, что отклонения, чаще всего по аналогии, то и дело возникают даже у лиц, получивших высшее образование. Дам пару примеров: Согласно норме, словосочетание *двое солдат* вполне допустимо, а *двое генералов* – неправильно (или по крайней мере неуместно). Далее, форма *ткёт* (от *ткать*) соответствует норме, а *жгёт* (вместо *жжёт*, от *жечь*) нет, хотя она широко распространена даже среди интеллигенции.

В начале настоящей статьи приведены две дефиниции, взятые из изучаемого сборника. Цель статьи в том, чтобы показать, что их предмет не один, что речь должна идти о *двух разных* предметах: 1) язык недостаточно образованных горожан, 2) совокупность отклонений от литературной нормы у городского населения. Правда, они частично покрывают друг друга, но тем не менее следует их различить, ибо каждый предмет требует своего подхода. (А изучение речи лиц «не вполне владеющих нормой ЛЯ» с целью опознавания «носителей ПР» менее перспективно, потому что здесь везде грозит риск «кольцевых заключений».)

Намеченное разграничение предметов, сводимых под несчастный термин ПР, предлагает и ответ на вопрос о будущем ПР, которое по мнению авторов уже на исходе. Как признак людей, имеющих только начальное образование (или даже без него), оно должно исчезать по мере того, как повышается общий образовательный уровень городского населения. А отступления от нормы ЛЯ (включая РР) тем не менее будут встречаться; показательно, что вместе со «старым», уходящим ПР наблюдается и «новое», что, разумеется, плохо сочетается с идеей об общем исчезновении ПР. В студенческом жаргоне той же Элисты бытуют (или бытовали в 70–е и 80–е годы) глагольные формы *секёт* и *волокет* (вместо литературных форм с *-ч-*). Уместен ли здесь термин ПР, связанный с понятием «простой народ», – вопрос другой и не такой уж важный.

Summary: The Phenomenon of “Russian Urban Popular Language”

This paper deals with the problem of defining Russian urban *prostorečie* (popular language), which in a collection of articles published by the

Institute for Russian Language of the Academy of Sciences of the SSSR (1984) is given two principally different definitions, one based entirely on linguistic facts, the other combining linguistic and social features. The author attempts to demonstrate that the definitions cover two different phenomena, each requiring its own approach.

E-mail: erik.egeberg@uit.no